

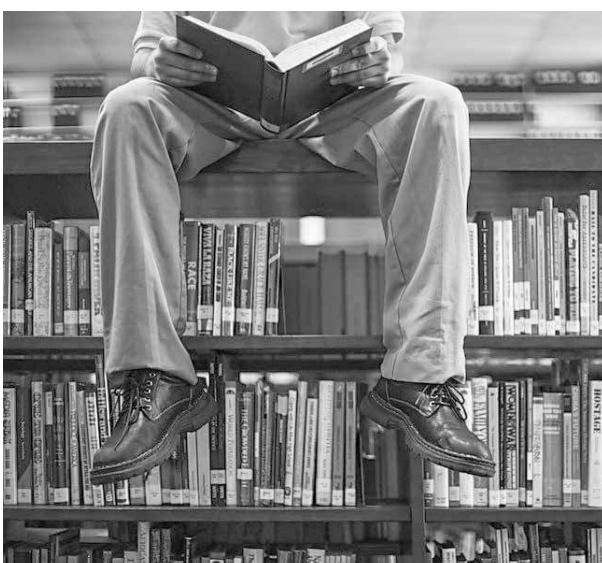
ПРОКАЗНИК ГЕО, ЧЕЛОВЕК-КРИТИК

В ПОИСКЕ
МОХНАТЫХ БРОВЕЙ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Проказник Гео уже пытался влезть в литературу под именем Рутко (он же Рудко) — Рутковский (возможно, Рудковский). Совмещает в себе черты, выявленные в литературной традиции советской критикой, а именно Солженицына, Бродского и некоторых безвестных литераторов, одновременно являясь литературным власовцем, литературным трутнем и литературным пигмеем. ПаSTERNAKA он по-прежнему не читал, но по-прежнему осуждает. Иные признаки биографии практически отсутствуют или слишком туманны. Ясно лишь одно: до берегов Туманного Альбиона Гео уже не доехал, а до Колымского края не доехал пока. На этом пока и остановимся.

Захар Прилепин. «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы»

Державина мохнатые брови, глаза его старицкие и подслеповатые. Шишков сжимает строгий рот. Давыдов не хочет, чтоб его рисовали в профиль — нос маленький. Потом смотрится в зеркало: да нет, ничего. Глинка печально глядит в окно; за окном — тверская ссылка. Батюшков пугается один в темной комнате, резко выбегает в зал, еле освещаемый двумя моргающими свечами, шепотом зовет собаку — если собака придет, значит... что-то это значит, главное — вспомнить ее имя. Эй, как тебя. Ахилл? Пожалуйста,

Ахи-и-ил. Пытается свистеть, кривит губы — забыл как. Вернее сказать, никогда не умел. Катенин наливает полстакана, потом, так и держа бутылку наперевес, задумывается и, спустя миг, быстро доливает всклепень. Вяземский с трудом сдерживает ухмылку. Вдруг выясняется, что у него ужасно болит сердце. Он сдерживает ухмылку, потому что, если засмеется в голос, — упадет от боли в обморок. Чадаев скучает, но он уже придумал остроту и лишь ждет удобного мо-

мента, чтоб устало ее произнести. Раевский злится и беспокоен. Играет желваками. Все внутри у него клокочет. Несносные люди, несносные времена! Бестужев разглядывает дам. Дамы разглядывают Бестужева: Вера, я тебя уверяю, это же тот самый Марлинский.

Наконец, Пушкин.

Пушкин верхом, Пушкина не догнать.

Склянка темного стекла, спасибо тебе...

Проказник Гео, человек-критик:

Это, я вам скажу, Хармс — чистый Хармс:

У Вяземского была квартира окнами на Тверской бульвар. Пушкин очень любилходить к нему в гости. Придет — сразу прыг на подоконник, свесится из окна и смотрит. Чай ему тоже туда, на окно подавали. Иной раз там и заночует. Ему даже матрас купили специальный, только он его не признавал. «К чему, — говорил, — такие роскоши!» И спихнет матрас с подоконника. А потом всю ночь вертится, спать не дает.

Евгений Николаевич (Прилепин) запутался в жанре. Это бывает. Хотел, как лучше, а получилось:

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришел в гости к Державину Гавриле Романычу.

Старик, уверененный, что перед ним и впрямь Пушкин, сходя в гроб, благословил его...

Вот откуда, оказывается, «мохнатые брови» Державина растиут!

PHOTOSTOP: ЮНОСТЬ ПОСЛЕ ЗИМНЕЙ СПЯЧКИ

© Фото Марианны Дударевой

